А. А. АДЖЯН, М. К. ЗУЛАЛЯН

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СТАМБУЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Среди источников по изучению экономической жизни Стамбула указанного периода, важное место занимают сообщения европейских авторов. Купцы, миссионеры, путешественники, дипломатические агенты оставили обширные описания своих путешествий, в которых почти не уделялось внимание внутренней экономической жизни Османской империи вообще и Стамбула — в частности. Их главным образом интересовала система управления государством и его военная организация. Все сочинения в основном носят поверхностный характер и затрагивают лишь одни внешние явления, доступные непосредственному наблюдению, и не содержат в себе углубленного анализа их внутреннего содержания. Европейские авторы, побывавшие в Стамбуле, чаще всего отмечали внешний облик города, его монументальные памятники — церкви, мечети, дворцы, бедестены, бани, фонтаны и т. п.

Вопросов ремесла и тесно связанной с ним торговли европейцы, как правило, касались мимоходом (в связи с описанием караван-сараев, ханов и бедестенов или же в связи с каким-нибудь удивлявшим европейцев событием, происшествием: празднеством, торжественным шествием или военным парадом, в которых принимали участие ремесленники и торговцы). Вместе с тем сообщаемые ими сведения носят формально-описательный характер и не всегда совпадают друг с другом. Среди таких авторов нужно отметить Пьетро делла Валле[1], Ж. Б. Тавернье, Питтона де Турнефора, де Ла Круа, Тенево, Крело[2] и многих других. Особо на-

[1] **Piétro della Vallé,** Voyages de Piétro della Vallé dans la Turquie, L'Egypte, la Palestine etc. t. I—II, Rouen, 1745.

[2] **J. B. Tavernier,** Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier en Perse et aux Indes, Paris, 1679; **Tournefort,** Pitton de, Relation d'un voyage du Levant, vol. I—II, Amsterdam 1717; Mémoires du sieur de la Croix, secrétaire de L'ambassade de Constantinople, contenant des divers relations très curieuses de

до выделить труд знаменитого французского путешественника Ж. Шардена, отличающийся богатством сведений о внутренней экономической жизни Турции.

Как бы ни были краткими и поверхностными описания европейских авторов, для данной темы они представляют несомненный интерес, т. к., с одной стороны, дополняют, поправляют и подкрепляют сведения, сообщаемые турецкими авторами, официальными документами, а с другой — выявляют отношение европейцев к уровню ремесленного производства Стамбула.

Однако самые ценные сведения об уровне, размере и характере ремесленного производства Стамбула первой половины XVII века мы находим в «Сейахет-наме» Эвлия Челеби[3], который побывал в Армении, Курдистане, Грузии, на Северном Кавказе, в Крыму, арабских странах, в европейских владениях турок, а также в странах Западной и Центральной Европы.

Большинство исследователей-востоковедов отметили огромную ценность труда Эвлия Челеби, содержащего, однако, множество вымыслов.

По мнению И. Хаммера, «описание путешествий Эвлия Челеби является чрезвычайно ценной работой, как в отношении топографии азиатских и европейских провинций Османской империи, так и событий, свидетелем которых он был». «Однако, — предупреждает он, — следует обращаться к нему с большой осторожностью и остерегаться его склонности все приукрашивать и все преувеличивать». Высоко оценил труд Эвлия Челеби также академик В. В. Бартольд. Характеризуя востоковедческую мысль XVII века, он писал, что в Турции «появился и оригинальный географический труд на турецком языке — описание путешествий Эвлия Челеби, по обилию материала (географического, этнографического и лингвистического) далеко оставляющий за собой труды классических арабских географов, хотя, с другой стороны, заключающий в себе значительный элемент явного вымысла»[4].

L'Empire Ottoman, Paris, 1684; **Thenevot.** Relation d'un voyage fait au Levant dans laquelle il est curieusement traité l'état des sujets du Grand Seigneur etc., Paris, 1674—1684; **Creiot,** Relation nouvelle à un voyage à Constantinople, Paris, 1672; **J. Chardin**, Voyages en Perse et autres lieux de l'Orient, t. I—IX, Paris, 1811—1820.

[3] اولیه چلبی، ظالی ابن درویش، اولیه چلبی سیاحتنامه سی جلد ۱۰-۱، استانبول ۱۹۳۸-۱۸۹۰ Narrative of travels in Europe, Asia and Africa in the XVII century by Evliya Effendy. Translated from the Turkish by the ritter Joseph von Hammer, vol. I—II, London, 1834—1850.

[4] **В. В. Бартольд.** История изучения Востока в Европе и России, II издание, Л., 1925, стр. 114.

В последние годы об Эвлия Челеби и его труде вышел ряд работ как у нас, так и за рубежом, в частности в Турции[5].

Первый том описаний путешествий Эвлия Челеби целиком посвящен Стамбулу, за исключением тех сравнительно небольших частей, в которых автор сообщает сведения об административном делении Османской империи и о доходах, поступавших с отдельных областей, а также о количестве тимаров и зеаметов, существовавших в различных областях империи. В отличие от европейских путешественников Эвлия Челеби не ограничивается описанием лишь внешнего облика города и дополняет свое изложение подробными (правда, не всегда точными) историческими фактами.

Описание Стамбула Эвлия Челеби снабжено цифровыми данными, которые свидетельствуют о том, что он имел доступ к источникам этих цифр, т. е. к официальным документам. По словам самого автора, он цитировал в данной части своего труда материал официальной переписи города, произведенной по специальному распоряжению султана Мурада IV в 1638 году.

В отношении ремесленной и торговой жизни Стамбула труд Эвлия Челеби «Сейахет-наме» является наиболее полным не только для XVII века, но и для последующих веков, от которых не сохранилось ничего подобного ни на европейских языках, ни на турецком. Хотя Эвлия Челеби в своем труде, помимо количественных данных сообщает также некоторые сведения об общественной организации ремесленного производства, однако эти данные, в силу своей лаконичности, не дают нам ясного представления о нем. В этом отношении более ценными являются официальные документы — законодательные акты[6] и отдельные указы[7] турецких султанов, касающиеся различных сторон ремесленного производства. Большинство этих документов носит фискальный характер, имеющий целью регулирование цен ремесленных изделий и необходимого для них сырья, контроль над качеством производимых и продаваемых предметов, регламентацию прав и ограничений цеховых организаций.

Кроме этих официальных документов, важными источниками о ремеслах Стамбула являются также так называемые футуввет-

---

[5] Об этом см. **Эвлия Челеби.** Книга путешествия, 1, М., 1961, библиография, стр. 323—330.

[6] **G. Young**. Corps de droit ottoman, Oxford, v. V, 1906. Grégoire, Législation ottomane, Recueil des lois, réglements, ordonnances, traités, capitulations et autres documents officiels, Paris, 1873—1877, v. VII.

[7] احمد رفيق، اونجى عصير نده استانبول حياتى، استانبول ١٣١٢ Его же, Hicri onikinci asırda İstanbul hayatı (1100—1200), İstanbul, 1930. Его же Hicri onbirinci asırda İstanbul hayatı (1000—1100), İstanbul, 1931.

наме — цеховые грамоты. Эти цеховые уставные грамоты, целиком проникнутые религиозным духом, преследовали, в конечном итоге, задачу регулирования отношений между членами цеха (в особенности между ними, с одной стороны, и подмастерьями и учениками — с другой).

Помимо футуввет-наме, приведенное Эвлия Челеби, использованы также изданное футуввет-наме акад. Г. В. Гордлевского, а также ремесленные грамоты Закавказья. Приложение к работе Егиазарова «Городские цехи Закавказья». В Зап. Кавк. отд. русск. географического общества, т. XIV, вып. 2.

Специальных исследований, непосредственно касающихся ремесленного производства Стамбула и существовавших там цеховых организаций не имеется ни для XVII, ни для позднего времени. Затронуты лишь частные вопросы. Из отечественных исследователей цехами Турции занимались акад. В. А. Гордлевский[8] и А. Н. Самойлович.

* * *

В XVII веке Стамбул был административно-культурным центром Османской империи. О составе стамбульского населения в XVII в. Эвлия Челеби дает нам общие, но не совсем точные данные. Как уже было отмечено, в 1638 году султанским указом (Хатт-и-шериф) Мурада IV было подвергнуто переписи все находящиеся в Стамбуле и в подчиненных ему районах войска и все «малые и большие эснафы» (ремесленные цехи), иначе говоря, переписью должно было быть охвачено поголовно все мужское население города[9]. Итоги переписи показали, что в Стамбуле имелось 1100 различных профессиональных групп[10], в большинстве своем являвшихся самостоятельными цехами. Эвлия Челеби из этих 1100 эснафов перечисляет лишь 861. По произведенным подсчетам, а также из-за отсутствия количественных данных в отношении ряда цехов, общее количество лиц, занятых той или иной профессией, о которых Эвлия Челеби сообщает цифровые данные, достигает огромной цифры в 607683 человека. Это, разумеется, преувеличение.

В конце XVIII века самые большие города Европы — Париж и Лондон — имели лишь около полумиллиона населения; Вена, Рим, Амстердам — менее 200 тысяч. Несомненно одно: данные Эвлия Челеби говорят о том, что Стамбул в XVII веке был самым

---

[8] См. **Ц. П. Гордлевский.** Из жизни цехов в Турции. Избр. соч., т. 1, Москва, 1960.

[9] **Эвлия Челеби,** т. 1, 507.

[10] Там же, 512.

крупным европейским городом и население его в XVII веке достигало большей численности, чем в последующих веках[11].

Как в XVII веке, так и впоследствии, город в административном отношении делился на четыре судебных округа (мевлевиета) во главе с судьей (кади), а именно: Стамбул, Галата, Эюб в европейской части и Скутари — в азиатской. Каждый из них делился в свою очередь на ряд районов и каждому из них были подчинены ближайшие к ним населенные пункты, которые по своему внешнему виду походили на деревни, а по своему экономическому характеру органически были связаны с городским хозяйством и составляли в совокупности с ними единое целое.

Постоянный рост населения Стамбула с момента завоевания города турками (1453 г.) и до конца XVII в. объясняется и тем, что город в значительной степени заселялся в принудительном порядке, главным образом за счет ремесленного населения завоеванных областей. Уже султан Баязет I при постройке крепости Гюзелхисар пригнал к азиатскому берегу Босфора ремесленников из различных областей Турции[12]. Мехмед II сразу же после завоевания города велел переселить из Трапезунда и Синопа 5000 семейств, десятки тысяч людей им же были переселены после своего похода в Сербию в 1454 г.[13]. Сюда же была переселена половина жителей Амасии[14], 40 тыс. жителей Феодосии в 1475 г. Политику переселения ремесленников в столицу продолжали преемники Мехмеда II Селим Явуз (1512—1520 гг.) и Сулейман Кануни (1520—1566 гг.).

Конечно, было бы неправильным думать, что столица империи росла исключительно в силу ее принудительного заселения.

---

[11] Так, по данным Андреосси, относящимся к 1828 г., население Стамбула состояло из 630 тыс. душ (см. **Andreossy**, Constantinople et le Bosphore de Thrace, Paris, 1828, p. 426), по переписи 1885 г.—913565, а по переписи 1927г.—690, 857, см. Istatistik yilligi t. V, Ankara, Ist., 1931, p. 31. По Убичини там было 891 тыс. (**Ubicini**, Lettres sur la Turquie, Paris, 1853, p. 27).

[12] **М. Чемерзин.** История Турции, т. I, СПб., 1878, стр. 207. См. об этом: **J. B. Çark**, Türk devleti hizmetinde Ermeniler, Ist. 1953.

[13] **М. Чемерзин**, указ. соч., стр. 190. Среди насильственно угнанных в Стамбул ремесленников было много армян (см. **J. B. Çark**, s. 10). Аршак Албояджян в своем труде «История армян Кесарии» приводит ряд памятных записей из армянских рукописей о насильственном переселении армянских ремесленников в Стамбул при султане Фатихе (см. **А. Албояджян.** История армян Кесарии, Каир, 1937, стр. 545—547). Впоследствии, в 1479, 1514, 1534 гг. имели место насильственные выселения армян-ремесленников и переселение их в Стамбул (см. **J. B. Çark**, s. 10). Эвлия Челеби даже отмечает наименования тех кварталов Стамбула, в которых селились армяне-ремесленники, переселенные из Западной Армении и Малой Азии (см. **J. B. Çark**, s. 10).

[14] **М. Чемерзин**, указ. соч., стр. 209.

Не менее важными факторами в этом направлении являлись увеличение количества знати, духовенства и тому подобных паразитических слоев. Один лишь султанский двор насчитывал десятки тысяч обслуживающего персонала. А чтобы прокормить, обуть, одеть их, естественно, город должен был расти главным образом за счет ремесленников. Ряды последних в значительной степени пополнялись со стороны беглых крестьян, которые искали в городе убежища от гнета турецких феодалов-землевладельцев. Об этом свидетельствуют турецкие законодательные акты и нарративные источники[15].

Ремесленное производство города в XVII веке должно было удовлетворить главным образом потребности местного населения и, таким образом, носило ярко выраженный потребительный характер. Это положение лучше всего можно обосновать соотношением отдельных отраслей ремесленного производства и торговли и удельным весом каждой из них в системе городского хозяйства. По данным Эвлия Челеби, городское хозяйство обслуживали следующие корпорации ремесленников:

Таблица 1

№№	Название корпорации	Количество эснафов	Количество людей	Количество предприятий
1	2	3	4	5
1	Саперы и чистильщики улиц	9	18300	—
2	Полицейские и, находящиеся в ведении полиции, эснафы	13	18069	—
3	Группа кади аскера (духовенство и лица умственного труда)	36	57288	465+1993 школ
4	Врачи и аптекари	12	3964	1989
5	Земледельцы	4	101950	—
6	Хлебопеки-булочники	29	56620	3109
7	Судостроители, моряки и купцы Черного моря	18	24968	3312
8	Судостроители, моряки Средиземного моря и лодочники	7	46400	
9	Купцы Египта и архипелага	9	11209	6341
10	Мясники и скотоводы	31	47435	11233
11	Приготовляющие различные кушанья из мяса и различные предметы из отходов боен	14	6953	1500
12	Приготовляющие различные кушанья из мяса, молока и фруктов	27	9553	2107

[15] O. L. Barkan. XV ve XVI inci asırlarda Osmanlı Imperatorlugunda zirai ekonominin hukuki ve mali esasları, I cilt, Kanunlar, Istanbul, 1945.

1	2	3	4	5
13	Продавцы халвы	5	1600	300
14	Рыбаки и рыботорговцы	14	8200	730
15	Работники различных государственных торгово-ремесленных учреждений	45	14315	681
16	Бакалейщики	10	5636	1490
17	Фруктовщики	5	10100	1687+1000 садов
18	Делающие холодное оружие	7	328	
19	Делающие огнестрельное оружие	10	309	
20	Кузнецы	12	2805	2217
21	Слесари и торговцы железом	15	6120	2975
22	Котельщики	6	5275	1395
23	Золотых дел мастера и ювелиры	29	9650	1479
24	Литейщики	3	1500	1100
25	Делающие лук и стрелы, птицеловы, атлеты	19	6420	1050
26	Портные, швейники, ткачи	19	11960	5117
27	Устанавливающие палатки и делающие к ним принадлежности	3	205	95
28	Скорняки	6	2155	580
29	Кожевники-дубильщики, войлочники и торговцы кожами	11	4970	1419
30	Седельники и делающие различную кожаную утварь	13	7437	2072
31	Сапожники (делающие туфли «набуч»)	1	8000	3400
32	Башмачники	10	3705	689
33	Продавцы аптекарских товаров и парфюмеры	20	6966	3809
34	Парикмахеры	6	2580	369
35	Банщики	6	3520	460
36	Живописцы, скульпторы, ситценабойщики	18	2871	763
37	Торговцы старого Бадестана	30	8677	3161
38	Торговцы Нового Бадестана и Галатского Бадестана	10	3475	
39	Столяры и перламутровщики	9	3478	1022
40	Делающие музыкальные инструменты	77	1789	37
41	Балаганщики	42	83	—
42	Плотники, каменщики, землекопы, маляры и т. д.	44	29986	1916
43	Певцы	1	300	
44	Играющие на бубнах, гуслях, лютне и др. инструментах	14	1660	
45	Играющие на различных инструментах	11	1977	
46	Играющие на зурне	9	975	
47	Играющие на дудуках	12	1057	
48	Играющие на зурне в шествиях	11	—	
49	Играющие на трубе	10	1021	

1	2	3	4	5
50	Танцоры	12	3005	
51	Комедианты	1	500	
52	Продавцы алкогольных напитков	58	13339	3087
	Всего:	861	607·683	74·437

Из табл. 1 видно, что мирное население города делилось на три большие группы. Первую группу составляли блюстители порядка, духовенство, лица умственного труда и сановники государственных и городских управлений. Вторую группу составляли торговцы, основным занятием которых являлась исключительно торговля, как крупная, так и мелкая. Остальную часть населения, примерно 75%, составляло производительное население города, объединявшееся в 663 профессиональных группах. К этой группе надо отнести также население, которое проживало вокруг столицы и занималось земледелием и скотоводством, ибо пригородное крестьянство находилось в полной экономической зависимости от города и целиком обслуживало его потребности.

Среди продуктов питания стамбульцев фрукты занимали особое место и были объектом спекуляции. Городские власти имели особый надзор за продажей фруктов, цена которых строго таксировалась.

После корпорации землевладельцев, наиболее мощным в количественном отношении и наиболее важным с точки зрения потребительных нужд города, являлись корпорации булочников и корпорация мясников. В эти корпорации входили все те ремесла и отрасли торговли, которые имели дело с мучными изделиями, молочными и мясными продуктами.

Согласно султанскому указу от 1703 г.[16], производство каждого вида мучного изделия являлось особым ремеслом, организованным в самостоятельный цех, члены которого строго следили, чтобы никто из посторонних не производил бы изделий их специальности.

С точки зрения потребления города, в непосредственной связи с хлебопеками находились корпорации, имевшие дело с производством мяса. Таких корпораций было две. В одну из них входили скотоводы и ремесленные цеха, работавшие в бойнях и перерабатывавшие молочные продукты, а во вторую — скототорговцы и продавцы различных мясных продуктов.

[16] A. Refik. Hicri onikinci asırda İstanbul hayatı, s. 37.

В Стамбуле потреблялось огромное количество мяса. По данным Эвлия Челеби, ежедневный убой одних лишь овец достигал огромной цифры, в 27000 штук, не считая тех, которые резались для раздачи военного пайка и для султанской кухни. Кроме того, для изготовления бастурмы ежегодно резали около 300 тысяч крупного рогатого скота. Среди торговцев овцами имелись купцы, доставлявшие крупными партиями скот из Молдавии и Валахии, из Румелии, Мореи, Анатолии, Туркестана, где они имели своих представителей.

Третьей важной корпорацией, обеспечивавшей продуктами питания, была корпорация рыбников, состоявшая из рыбаков и рыболовов.

Рыболовство составляло государственную монополию, сдаваемую на откуп. Со стороны государства назначался специальный управляющий рыболовством и рыботорговлей, которому в качестве подати доставлялась десятая часть вылавливаемой рыбы.

В корпорацию рыбников входили также и ремесленники, делавшие рыболовные сети, и ремесленники, приготовлявшие рыбные блюда. В этой корпорации наиболее многочисленным цехом являлся цех рыботорговцев, которые и занимались сбытом рыбы потребителю.

К группе ремесленников, приготовлявших продукты питания, относились также и те, кто делал различные сладкие блюда. Они были выделены в самостоятельную корпорацию. Эта корпорация, однако, была сборная, т. к. включала в себя всех ремесленников, приготовлявших помимо сладких блюд также различные лакомые блюда из мяса, молока и овощей.

Одной из многочисленных корпораций, имеющих отношение к пищевому производству, являлась корпорация виноторговцев, состоящая из 5 ремесел, разделявшихся по виду выделяемого или продаваемого вина. Среди ремесленников и торговцев Стамбула виноторговцы не пользовались достаточным почетом и уважением. Их называли «проклятыми», «несчастными», «распутными» и т. д. Как известно, ислам строго запрещал употребление вина. Но этот запрет носил формальный характер и был одним из наиболее часто нарушаемых. Несмотря на многочисленные султанские указы, запрещавшие употребление вина, виноторговля в Стамбуле процветала в основном благодаря христианскому населению города.

Снабжение Стамбула средствами питания, в особенности хлебом и мясом, находилось под слабым наблюдением государственного аппарата. Государство само распределяло муку среди булочников. Об этом свидетельствует султанский указ от 1012 г. (1603 г.), которым предписывается Кади Стамбула выделить пай муки для одной из пекарен Кадикса. В нем говорится: «По полу-

чении сего, посмотри-ка, если имеется ферман о выделении для вышеупомянутой, находящейся в вышеуказанной деревне, подобно другим пекарням, и во времена моих покойных деда и отца был выдан высочайший указ об этом, а впоследствии, не было вновь издано противоречащего этому высочайшего указа, то выделив для упомянутой пекарни пай достаточных размеров, прикажи выдавать его с мест, откуда обычно, согласно существующим правилам, выдается пай пекарням Скутари... не позволяй никому носить хлеб в упомянутый Кадикей из Скутари или других мест. Но и выпекающие хлеб в вышеупомянутой деревне должны выпекать достаточное количество хлеба для вышеупомянутой деревни и для того, чтобы продавать не меньше, выставляя предлогом ненахождения муки и отсутствие пая. Они должны обязательно выпекать (и продавать) населению упомянутой деревни достаточное количество хлеба, согласно постоянно действующей таксе»[17].

Этот указ свидетельствует о том, что государственное распределение муки было не временной мерой, а постоянной системой. Благодаря этому государство имело возможность делать большие запасы зерна, которые пускались в употребление в наиболее критические моменты, в особенности во время войн.

Среди производственных ремесленных корпораций наибольшее хозяйственное значение для Стамбула имела корпорация строительных ремесел, разделявшаяся на более чем 44 самостоятельных цеха. Одновременно эта корпорация представляла собою наиболее мощную и многочисленную отрасль ремесленного производства.

Табл. 2 показывает, что в данную корпорацию входили все виды ремесел, необходимых при возведении частных и общественных построек, благоустройстве города и так далее. Производственная связь между этими ремеслами была крайней необходимостью. Одно ремесло без другого не имело бы поля деятельности. В строительной корпорации, согласно Эвлия Челеби, имелось 29986 человек. Несмотря на существование столь большого количества строителей, город, по единодушному утверждению путешественников, производил неблагоприятное впечатление. Его улицы, за исключением двух или трех, были узкими, плохо построенными и грязными. Дома частных лиц в основном были деревянными, одноэтажными. Из-за этого город часто подвергался зловещим пожарам, которые за несколько часов превращали густонаселенные тесные кварталы в кучи пепла и угля, оставляя без крова десятки тысяч людей. Пожары в Стамбуле вызывались не только случайными причинами, неосторожным обращением с огнем. Нередко

[17] **A. Refik.** Hicri onbirinci asirda Istanbul hayati, s. 27, hüküm 53.

Таблица 2

Строительные ремесла (по данным Эвлия Челеби)

№№	№№ эснафов	Название эснафов	Количество людей	Количество предприятий
1	2	3	4	5
1	669	Плотники	4000	
2	670	Строители	4000[I]	
3	671	Заготовители (или продавцы) досок	1005	999
4	672	Пильщики	1000	30
5	673	Штукатуры	1000	
6	674	Стекольщики	400	71
7	675	Гипсовщики	505[II]	25
8	676	Делающие цементирующее вещество	400	85[III]
9	677	Делающие известь	500	55[IV](печей)
10	678	Продавцы гашеной извести	600	90[V]
11	679	Заготовители мрамора	40	40[VI]
12	680	Продавцы извести в камне	50	7[VII]
13	681	Продавцы мрамора или обрабатывающие мрамор	161	121[VIII]
14	682	Делающие замазку	100[IX]	10
15	683	Водопроводчики	300	1
16	684	Черепичники	500	35
17	685	Кирпичники	1000	—
18	686	Делающие свинцовые доски	50	1[X]
19	687	Покрывающие здания свинцом	300	—
20	688	Мостильщики	800	
21	689	Заготовители или продавцы каменных плит	151	
22	690	Каменотесы или резчики по камню	1000	
23	691	Перевозчики камней	1000	100[XI] ослов
24	692	Маляры	400[XII]	
25	693	Игрушечники эюба	105	100
26	694	Делающие рабы	40	15[XIII]

I В перев. Хаммера 3000 чел.

II В перев. Хам. 500 лав.

III В перев. Хам. 85 лав.

IV В перев. Хам. нет количества печей.

V В перев. Хам. нет количества лавок.

VI В перев. Хам. нет количества лавок, а значится 40 чел.

VII В перев. Хам. нет количества лавок.

VIII В перев. Хам. нет количества лавок, а в тексте — количества людей.

IX В перев. Хам. 1000 человек.

X В перев. Хам. нет количества мастерских.

XI В перев. Хам. об ослах ничего не сказано, а в тексте на стр. 600 говорится, что у них 600 ослов.

XII В перев. Хам. нет цифр.

XIII В перев. Хам. нет лавок.

1	2	3	4	5
27	695	Делающие подкову	80	55
28	696	Делающие скамейки	100[XIV]	40
29	697	Делающие лопаты	12	10
30	698	Гробовщики	55[XV]	20
31	699	Делающие пяльцы	20	6[XVI]
32	700	Делающие ткацкие станки	20	6[XVII]
33	701	Делающие паланкины	10	1
34	702	Делающие корзины для сидения на верблюде	20[XVIII]	
35	703	Делающий винт для пыток	1	1
36	704	Делающие прессы для выжимания масла	3[XIX]	
37	705	Делающие колеса для коннопривод ных мельниц	7	
38	706	Делающий водяное колесо	1[XX]	
39	707	Печники	10	
40	708	Копающие колодцы	100[XXI]	
41	709	Копающие рвы (подвалы)	40[XXII]	
42	710	Копающие рвы для воды		
43	711	Чернорабочие-землекопы	10000	
44	712	Чистильщики водосточных труб	100	
		Всего:	29986	1917

они возникали в результате поджогов. Из документов, изданных А. Рефиком, явствует, что государство контролировало строительное дело и стремилось предотвратить пожары. Однако предпринятые мероприятия не обеспечили безопасности города, так как планировка его в течение веков оставалась неизменной.

XIV В перев. Хам. нет количества лавок.

XV В перев. Хам. 50 человек.

XVI В перев. Хам. 2 лавки.

XVII В перев. Хам. 30.

XVIII № 704 и № 705 в перечне ремесел нет, но они упоминаются без указания количества в описании шествия плотничьей группы именно в этом месте. В переводе Хаммера описываются в самом перечне с указанием количества.

XIX № 704 и 705 в перечне ремесел нет, но они упоминаются без указания количества в описании шествия плотничьей группы именно в этом месте. В переводе Хаммера описываются в самом перечне с указанием количества.

XX В перев. Хам. 3 чел.

XXI Цитата из перевода.

XX № 703 и 710 в тексте в перечне ремесел нет, но в описании шествия этой группы они упоминаются именно в этом месте без указания.

Хотя некоторые европейские путешественники дают низкую оценку строительной технике, существовавшей в XVII в. в Стамбуле, прочные постройки, возведенные в конце XVI и в начале XVII вв. и сохранившиеся до наших дней (например, мечети Ниманджи-паши, Ахмедие, Иени-Джами, Джерраха-паши и т. д.), свидетельствуют о том, что архитектура в Стамбуле достигла определенного уровня.

Корпорации строительных ремесел были не только самыми многочисленными среди других производственных эснафов и не только самыми необходимыми в описанных выше коммунальных условиях Стамбула, но одновременно являлись наиболее важными в военно-фортификационном строительстве. Как и все остальные ремесла, строители, помимо целого ряда других повинностей, обязаны были выставлять определенное количество ремесленников, обслуживавших лагерь действующей армии. Кроме того, в чрезвычайных случаях, из их среды направлялось на войну и на различные общественные работы необходимое количество ремесленников. Об этом имеется ряд султанских указов[18].

Большое количество ремесленников-строителей работало также на казенных и султанских постройках, для которых, как показывают соответствующие указы[19], выбирались самые лучшие мастера. Формально свободные ремесленники по существу были закабалены. В одном из султанских указов от 1609 г., адресованном адрианопольскому Кади и Кади Инода, говорится, что последние принудительно возвратили на место работы тех плотников, которые из-за низкой платы бежали в другие районы. «...По получении сего приказа, — отмечается в указе, — чтобы привели бы вышеназванных (плотников), где бы они ни находились, в вышеупомянутом ли городе, или рассеянными в его окрестностях, или в Каза Инода, и чтобы они, прибыв, работали бы по-прежнему на постройке. Тех же, кто окажет сопротивление и откажется прийти, накажи, чтобы они не сбежали еще раз, что будет назиданием и для других работников»[20].

С точки зрения благоустройства города должны быть рассмотрены также и профессии, связанные с банями. Бани, как известно, играли и играют до сих пор большую роль в жизни мусульманских народов. По данным Эвлия Челеби, помимо огромного количества бань (14536), находящихся во дворцах и домах знатных лиц города, во всех его районах было 91 народных и частных бань внутри крепостных стен и 65 вне их[21]. Наряду с мечетями,

---

[18] A. Refik, Hicri onbirinci asırda İstanbul hayatı, s. 21, hüküm 43. s. 24, hüküm 50 vs.

[19] Там же, стр. 2, ук. 8.

[20] Там же, стр. 36, ук. 69.

[21] Эвлия Челеби, т. I, стр. 510.

фонтанами и дворцами, бани, также являясь достопримечательностью города, привлекали внимание европейцев, которые с восхищением отзывались о них.

Общеизвестно, что в личном быту господствовавших слоев восточных стран большое распространение имело употребление всякого рода благовоний и наркотических средств. В Стамбуле существовал целый ряд торговых цехов, занятием которых являлся сбыт подобных продуктов. Эти цеха вместе с ремесленными цехами, изготовлявшими и продававшими стеклянную и фаянсовую посуду, составляли один единый эснаф.

С эснафом дрогистов были связаны лекаря и ремесленники, изготовлявшие различные лекарственные средства, ибо основную массу своего сырья они должны были приобретать у дрогистов, а хранилища своих лекарств у стекольщиков и керамистов. Лекари имели настолько важное и самостоятельное значение в условиях антисанитарного состояния города, что все врачи и аптекари были объединены в самостоятельный эснаф и занимали при этом наиболее почетное место в системе местничества.

Должность главного врача, как и должность начальников других важных корпораций, числилась в придворных штабах и по данным Эвлия Челеби оплачивалась 500 акче[22]. По данным Айни Али (1609 г.), при дворе числился 21 врач, каждый из которых получал в месяц 1275 акче. В этой смете, кроме этих врачей, числятся также врачи-евреи, получавшие ежемесячно по 445 акче[23].

Металлическое производство включало в себе пять крупных эснафов, в которых были представлены все виды ремесел, имевших дело с металлами. Наиболее многочисленной и по количеству людей, и по количеству цехов был эснаф ювелиров, объединивший всех ремесленников, работавших по драгоценным и цветным металлам, а также торговцев драгоценными камнями. Большая часть входивших в этот эснаф ремесленников изготовляла предметы роскоши и обслуживала главным образом высшие слои стамбульского общества.

Наиболее универсальными ремесленниками среди металлистов являлись кузнецы, выполнявшие целый ряд работ. Почти большинство основных орудий, употреблявшиеся в различных производствах города, являлись местным производством. Металлисты целиком обслуживали нужды османской армии. В этом смысле особо нужно отметить эснаф оружейников. Они составляли три корпорации: 1) делавших холодное оружие; 2) делавших огнестрельное оружие и 3) делавших лук и стрелы. В Стамбуле про-

[22] Там же, т. I, стр. 530.

[23] M. Belin, Essais sur l'histoire économique de la Turquie, Journal Asiatique, VIème série, tome IV, p. 252.

изводились также и пушки, для отливки которых существовала большая мастерская, в которой работали ремесленники разных профессий. В корпорацию оружейников входили помимо ремесленников, занятых выделкой того или иного вида оружия, также и те, кто обучал воинов стрельбе из лука, фехтованию, обращению с булавами и т. д.

Кожевники делились на четыре корпорации. Первую корпорацию составляли ремесленники, выделывавшие сыромятные кожи и войлок и торговцы ими; вторую — ремесленники, делавшие различные кожаные изделия во главе с седельниками; третью — делавшие особый род обуви, называвшийся йемени — туфли без каблука, и четвертую — башмачники, объединившие ремесленников, производивших различного рода кожаную обувь.

Торгово-ремесленные цеха, имевшие дело с одеждой и другими швейными изделиями, делились на три корпорации: в первую корпорацию входили портные, шапочники, ткачи, пуговичники и т. д., во вторую — палаточники и в третью — меховщики.

Портные и связанные с ними ремесленники находились под постоянным контролем государственных властей. С их стороны точно была регламентирована не только цена на швейные изделия, но и форма и размер последних. Об этом свидетельствует документ, изданный И. Хаммером[24].

Наиболее богатой корпорацией среди этой группы являлись меховщики, которые вели обширную торговлю мехами, вывозившимися главным образом из России[25].

Торговля в основном проходила в так называемых бедестенах (крытых рынках). Бедестены, представлявшие собой прочные каменные здания, сильно укрепленные, с множеством сводчатых улочек. Каждая из них была занята однородными товарами, издавна являлась, наряду с мечетями и фонтанами, одной из достопримечательностей Стамбула. В бедестенах были сосредоточены наиболее богатые купцы города[26].

Рост городского хозяйства в условиях цеховой системы, основной задачей которой являлись охрана и защита узкопрофессиональных и хозяйственных интересов отдельных цехов, приводил к тому, что каждая отрасль торговли и ремесла занимала определенный район, базар, крытый рынок, улицу или часть улицы. Как совершенно правильно отметил Де Хейз (Hays), особенностью всех городов Турции было то, что ремесленники одной и той же

---

[24] J. Hammer, Das Osmanischen Reiches Staatsverfassung und Staatsverwaltung, I, Wienne, 1825, стр. 157 сл.

[25] Об этом см. **Н. А. Смирнов,** Россия и Турция в XVI и XVII вв., М., 1946, **М. В. Фехнер.** Торговля русского государства со странами Востока, М., 1952.

[26] **Эвлия Челеби,** т. I, стр. 614.

профессии располагались в одном и том же районе[27]. Такое же положение существовало и в Иране, как об этом свидетельствует Ж. Шарден[28].

Основная причина распределения торгово-ремесленных предприятий по специальности заключалась, с одной стороны, в цеховой системе, требовавшей совместного расположения всех или большинства мастерских данного цеха, а с другой — в системе государственной регламентации со слабым контролем над торгово-ремесленной жизнью и более быстрым взиманием податей.

* * *

Население Стамбула отличалось пестрым национальным составом, что, естественно, не могло не найти своего отражения в торгово-ремесленной жизни города. Здесь проживали греки, армяне, евреи, цыгане, албанцы, арабы, персы, индусы, курды, лазы и др. Род занятия большинства из них определялся, с одной стороны, их историческими судьбами, а с другой — земляческими связями, в результате которых выходцы из одного и того же района или области обычно занимались одной и той же отраслью ремесла или торговли.

Сведения о роли и удельном весе представителей отдельных национальностей в хозяйственной жизни Стамбула очень скудны. Однако косвенные данные свидетельствуют о том, что христианские народы сыграли значительную роль в развитии ремесленного производства и торговли столицы.

Система расселения отдельных нацменьшинств по различным районам города и их профессиональные занятия представляют большой интерес, т. к. они, с одной стороны, освещают историческое прошлое, а с другой — политику государства по отношению к этим народам. Турецкие господствующие классы стремились окружить себя турецкими массами, которые находились под огромным влиянием духовенства и тем самым являлись главной опорой господствующих.

И не случайно, что города, расположенные на азиатском берегу Босфора, были населены исключительно турками, за исключением Скутари, где наряду с 70-ю турецкими кварталами были кварталы армян и греков, а также квартал евреев[29]. Это объясняется тем, что этот берег Босфора был захвачен турками почти на полтораста лет раньше, чем европейский, где еще в XVII в. преобладало греческое население, которому после завоевания Стамбула уже некуда было переселиться.

---

[27] **De Hays,** Voyages en Levant ... en l'année 1621. Paris 1645, стр. 87.

[28] **Jean Chardin,** Voyages en Perse et autres lieux de l'Orient.V, II, p. 147.

[29] **Эвлия Челеби,** т. I, стр. 468, 472.

В хозяйственной жизни города, кроме турок, значительную роль играли греки, армяне, евреи и отчасти албанцы. В сфере торговли греческие купцы захватили наиболее выгодные отрасли. Прежде всего, в их руках находилась почти вся торговля пшеницей, ячменем, мукой, мясом, т. е. вся торговля основными средствами питания. Они же торговали разнообразными товарами в галатском бедестене, главным образом сукном, мехами. Кроме того, почти все кабаки[30] и харчевни[31] содержались ими же.

В сфере ремесленного производства греки больше всего были связаны с мореходством и судостроением. Большинство судовладельцев и моряков, а также судостроителей, водолазов, конопатчиков, работников спасательных судов также состояло из греков. В других отраслях ремесленного производства греки работали в качестве золотых дел мастеров, граверов по золоту и серебру[32]. Из греков же набирались основные кадры переводчиков, обслуживавших Высокую Порту при ее сношениях с европейскими государствами.

Более однородную группу представляли из себя евреи, которые преимущественно были заняты в сфере торговли, при этом в тех ее отраслях, которые были связаны с драгоценными изделиями. Они господствовали в области финансов и занимались банковыми делами.

В XVI—XVII вв. в общественно-экономической жизни стамбульских армян и Западной Армении все большую роль начала играть армянская торговая буржуазия в лице ходжей и челеби. Последние, располагая большими денежными средствами, финансировали султанский двор, а порою — даже султана.

Среди армянских челеби XVII века пользовался большим влиянием Абраам челеби, который больше был известен под именем «Апро челеби». Известен был также сын ходжи Еремия Магакия челеби, который через великого везира Мелика Ахмеда-пашу добился отмены налога «Кюрекчи акчеси», взыскивавшегося с армянской церкви Стамбула. Армянский историк XVII века Аракел Даврижеци упоминает имя и другого видного армянского торговца — Шахина челеби, который был известным мужем при дворце»[33]. Среди армянских ходжей также имелись богачи, которые, подобно челеби, пользовались большим влиянием при дворе. Одним из таких был, например, армянский халифа Аствацатур при султане Османе[34].

---

[30] Там же, стр. 434, 519, 542, 559, 618, 663.

[31] J. Hammer, A narrative of travels..., vol. I, p. 149.

[32] **Эвлия Челеби**, т. I, стр. 546, 548, 551, 571, 576.

[33] **А. Даврижеци.** История. Вагаршапат, 1896, стр. 281 (на арм. яз.).

[34] **Г. Даранагеци.** Хронология. Иерусалим, 1915, стр. 202 (на арм. яз.).

Из стамбульских ходжа в первоисточниках упоминаются также ходжа Рухиджан из Вана, ходжа Овсеп из Эрзинджана и его сын Оганес ходжа Давид и многие другие, которые сыграли большую роль в общественной жизни стамбульских армян[35].

В армянских «Мелких хрониках» XVII века упоминаются названия многочисленных ремесел, которыми занимались армянские ремесленники в Стамбуле и в Западной Армении[36]. Эвлия Челеби также упоминает некоторые отрасли ремесленного производства Стамбула, где в основном были заняты армяне[37]. Общеизвестна роль армян в развитии ремесел Малой Азии. Известно, что еще в эпоху сельджукидов, по словам акад. В. А. Гордлевского, «в руках армян находилась обработка металлов, поскольку в Армении исстари добывались металлы», и что «вообще большую роль в местной промышленности играли армяне»[38].

Особенно отличались армяне в области ювелирного производства. Знаменитыми ювелирами XVI в. в Стамбуле еще при султане Сулеймане Кануни являлись Баба Зенон Казазлян и Касбар. Отличались армянские ремесленники и в строительстве.

* * *

Рост производительных сил в сфере городского хозяйства Стамбула выражался прежде всего в более или менее высоком техническом уровне сосредоточенных в нем ремесел. Лучшим показателем этого уровня может служить глубокое разделение труда, которое существовало как в ремесленном производстве в целом, так и в его отдельных отраслях, ибо, как говорил Ленин «на базисе ручного производства много прогресса технически, кроме как в форме разделения труда, и быть не могло»[39].

В Стамбуле производство базировалось исключительно на ручном производстве, причем набор употреблявшихся инструментов был самый простой. Несмотря на такую примитивность орудий производства стамбульские мастера достигали больших результатов в своем производстве, о чем свидетельствуют и авторы XVII века и дошедшие до нас изделия. Достигнуть этого они могли, в конечном итоге, только благодаря разделению труда. Какую бы отрасль производства мы не взяли, везде мы видим десятки обособившихся профессий и специальностей. Кожевенное

---

[35] См. **А. Сируни.** Стамбул и его роль, Бейрут, 1965, стр. 478 (на арм. яз.)

[36] «Мелкие хроники», сост. В. А. Акопян, т. I, Ереван, 1951, стр. 449 и др. (на арм. яз.).

[37] **Эвлия Челеби,** т. I, стр. 45.

[38] **В. А. Гордлевский.** Государство сельджуков Малой Азии, М.-Л., 1941, стр. 103.

[39] **В. И. Ленин.** Развитие капитализма в России. М.-Л., 1931, стр. 332.

производство делилось на 35 специальностей, швейное—на 19, оружейное — на 36, металлическое — на 36, ювелирное — на 29, строительное — на 44, булочно-кондитерское — на 29 и т. д.

В подобном разделении труда самое важное заключалось в том, что эти специальности были совершенно самостоятельными; занятые ими лица имели свои лавки, свои особые ремесленные ряды, свои цеховые организации, каждая из которых сохраняла узкие профессиональные интересы.

Разделение труда оказывало влияние на дальнейший рост техники, т. к. оно, специализируя труд, упрощая производственный процесс, уменьшая количество употребляемых отдельным мастером орудий труда, приводило к тому, что ремесленник в совершенстве осваивал технику своего производства и доходил в нем до совершенства. С другой стороны, ремесленник, делая весь предмет целиком, относился к нему с особой любовью и тщательностью и старался сделать его возможно совершеннее. Государственное вмешательство заставляло ремесленников следить за качеством выпускаемых изделий. Разделение труда, заинтересованность ремесленника в качестве своих изделий, государственный и цеховой контроль над качеством производства были той двигательной силой, которая поднимала стамбульское ремесло на сравнительно высокий технический уровень. В последующие века ремесленное производство города переживает период упадка, а в конце XIX века целый ряд ремесленных производств вовсе исчезает, а остальные влачат жалкое существование, утратив даже свои прежние достижения.

* * *

Глубокое разделение труда внутри ремесленного производства Стамбула, казалось бы, должно было привести к мануфактурному производству, однако подобный переход не совершился, ибо «мануфактурное разделение труда предполагает концентрацию средств производства в руках одного капиталиста, общественное разделение труда — раздробление средств производства между многими независимыми товаропроизводителями»[40]. Ремесленники Стамбула в своей основной массе выступали в качестве товаропроизводителей, т. е. они сами производили изделия своего ремесла и сами же сбывали их на рынке. С экономической точки зрения разница существовала между теми отраслями ремесла, в которых функции производства и сбыта изделий осуществлялись одним и тем же ремесленником, и теми, где эти функции отделены друг от друга и стали специальностью ремесленника, выступавшего преимущественно в роли производителя, оторванного от по-

[40] **К. Маркс.** Капитал, стр. 346.

требителя и торговца, ставшего посредником между производителем и потребителем, а также и между самими производителями.

Таким образом, в городе имелось две группы торговцев. Одна из них, не имевшая непосредственного отношения к местному производству, хотя и влиявшая на него, была занята сбытом ввозимых товаров, другая — наоборот, целиком была связана с местным производством, изделия которого она перепродавала потребителю. О размерах богатств некоторых купцов можно судить хотя бы по тем отрывочным данным, которые сообщает Эвлия Челеби. По его преувеличенным данным, среди купцов имелись такие, которые владели 1000—2000 кораблями[41], а мехоторговцы обладали мехами стоимостью в сотни тысяч курушей[42].

Среди ввозимых товаров были такие, которые не производились на месте (например, европейское сукно). В еще большей мере это относится к бумажному производству, которое здесь когда-то существовало, но впоследствии, в связи с ввозом бумаги из Ирана и Венеции, прекратилось. Ввозилось также мыло.

Торговый капитал глубоко вкоренился в сферу обращения и в некоторых отраслях ремесленного производства захватил в свои руки рынок сбыта, оторвав его от непосредственного производителя — ремесленника. Однако не всегда торговому капиталу удавалось взять в свои руки изделия ремесленного производства, ибо ремесленники, несмотря на наличие особых торговцев, сбывавших их продукцию, сами не прекращали ее продажу непосредственно потребителю. С другой стороны, основной причиной, препятствовавшей вмешательству торгового капитала в производственную деятельность ремесленников, следует считать ограниченность и узость стамбульского рынка, что являлось следствием узости внутреннего рынка Турции вообще. Все это объясняется, во-первых, господством в турецкой деревне феодальных отношений, прикреплявших крестьянство к земле и тем самым мешавших возникновению лишенной средств производства рабочей силы; во-вторых, наличием развитого домашнего производства внутри крестьянского хозяйства, препятствовавшего последнему вступить в товарный обмен с городом и тем самым расширить границу его рынка; в-третьих, господством в городах цеховых отношений, которые, вследствие подтвержденных государством привилегий и монополий, чрезвычайно стеснили не только торговый капитал в его стремлении проникнуть в сферу производства, но и возможный в данных обстоятельствах рост ремесленного производства.

Торговый капитал особенно проник в область продажи кож,

---

[41] См. **Эвлия Челеби**, т. I, стр. 614.

[42] См. там же, стр. 593.

о чем свидетельствует один из султанских указов XVII века[43]. Торговый капитал в этой области приобрел монопольное право. Торговцы кожами, пользуясь этим правом, опираясь на цеховые привилегии, всячески сопротивлялись вмешательству в область их торговли других купцов[44]. Из султанского указа явствует, что в кожевенном производстве Стамбула существовали крупные мастерские, приближавшиеся по своим основным признакам к предприятиям мануфактурного типа. Работавшие в кожевенных мастерских работники были лишены средств производства. По словам Эвлия Челеби, они набирались из преступников, бежавших во избежание судебной кары на работу к кожевникам, которые их не выдавали судебным властям, но зато закрепляли на всю жизнь к работе в данной мастерской.

Источники говорят о наличии в Стамбуле других крупных мастерских. Наиболее крупными из них были портняжная мастерская, в которой было занято 500 человек, монетный двор с более чем сотней работников, султанская мастерская и мастерская по изготовлению простокваши, в которых работали по 100 человек, пушечная мастерская, пороховая мастерская и ряд других.

* * *

Цеховой строй, существовавший в Стамбуле, наложил свой отпечаток на всю общественную жизнь города. В цеховые организации были объединены не только ремесленники и торговцы, но и целый ряд других профессиональных групп, которые хотя и не имели непосредственного отношения к городскому хозяйству, но тем не менее являлись важными и необходимыми элементами, обслуживающими или культурные, или даже религиозные потребности городского населения. Иначе говоря, почти все мужское население города и его окрестностей, занятое той или иной деятельностью, было объединено по профессиональному признаку в самостоятельные организации, структура которых, несмотря на всю разницу сферы их деятельности, была одинаково-цеховой. Эвлия Челеби каждую отдельную профессиональную группу обозначает термином «эснаф» (множественное число арабского слова صنف, которое обозначает «класс—род—сорт»). Слово «эснаф» в турецком языке давно приобрело свое основное значение в качестве термина, выражающего понятие цеха.

Каждый эснаф имел свою уставную грамоту, так называемую футтувет-наме. (فوتوتنامه)

В футтувет-наме, обычно в форме ответов и вопросов, излагался целый ряд практических советов, нравственных наставлений и правил поведения. И все это было облечено в религиозную

[43] См. Nurî, стр. 671.

[44] См. там же, стр. 570.

форму и обосновано религиозными преданиями. Именно подобным введением начинается излагаемая Эвлия Челеби цеховая грамота. В начале рассказывается, в последовательном порядке, каким образом Муххамед получил посвящение от бога через Гавриила, и как он, в свою очередь, посвятил своих последователей в мусульманскую веру. Затем он переходит к рассказу о том, как и почему происходит обряд посвящения в цеховых и религиозных общинах: «У людей, стремящихся к правому пути, и у людей закона имеются свои законы, правила и вопросы. Тот, кто не способен ответить на эти вопросы, оскверняет свой путь и свои вопросы и принципы. Если же он будет иметь заработок, то его заработок будет недозволенный. Человек общины является любящим старцев, а себялюбец является глупцом. Короче говоря, путь, принципы и знания всех цехов, людей закона, людей, стремящихся к познанию, людей, стремящихся к истине — восходят к пророку, а от него через Гавриила достигают бога. Принципы посланника божьего состоят в том, что когда кто-либо вступает в общину, то все старейшины, собравшись в одно место и заготовив то или иное количество пирога согласия, в присутствии всех собравшихся на площади дружбы (во время беседы) задают кандидату (ученику, подлежащему посвящению, испытующие вопросы, т. е. вопросы о его пути и принципах. Если он ответит на эти вопросы, представит какую-либо сделанную им вещь собственного изобретения или произнесет ряд молитв (в тексте перечисляются названия молитв) наизусть, одним словом, если представит подтверждение об обладании глубокими познаниями в области избранного пути, то все старейшины признают его достойным быть владельцем шкуры. Если же окажется недостойным, то все старцы, говоря правду, оставляют его в прежнем положении на тысячу и один день у его мудрого и добродетельного руководителя, чтобы (кандидат) у него закончил свою службу... пока не станет настоящим мастером.

Рассказ о том, каким образом приводят кандидата на площадь дружбы. Сначала накиб той общины (в которую посвящается кандидат) взяв левой рукой правую руку ученика и проведя его мимо присутствующих «влюбленных» подводит к восседающим на ковриках старцам и говорит: «Мир вам, люди закона». Старцы же отвечают «мир вам, люди, стремящиеся к правому пути, познанию и истине», совершают четырехкратные поклоны на четыре стороны. Затем ученик говоря «Во имя бога милостивого, милосердного» и кладя правую руку на узел пояса у пупка, который (узел) находится под концом шеда, говорит: «Мир тебе, познавший бога» и отступает назад; доходя до входа (до ворот), отвешивает четырехкратные поклоны — на четыре стороны и снова останавливается. Все присутствующие собрания старцев гово-

рят: «Мир тебе, ищущий знания и мир тебе, познавший бога». Ученик вместе с находящимися с его правой стороны накибами, а с левой — чаушами или привратниками, выступает на середину и там представляется результат его знаний. Если нравится присутствующим, то они все в один голос кричат: «Эту личность признаем заслуживающим шкуры. С благословения бога он достоин, достоин (ее)». Затем читают фатиха (فاتحه) Старцы, возвеличивая бога, говорят: «Велик бог, велик бог», упоминают ради четырех влюбленных (халифов) (چاریار عشیقه) слова: «Да будет молитва и мир тебе, о посланник божий. Молитва и мир на тебе, о господин посланников и мир на посланниках».

Затем накиб упоминает четырех باصفای (халифов), мучеников Кербелы и двенадцать имамов и по одному перечисляя руководителей 170 орденов, радует их души. После этого ученика передают мастеру. Мастер же этого ученика, являющегося его духовным сыном, снова выводит на площадь, обвязывает его своим шеддом и отдает ему свой посох. Затем, прикладывая свою правую руку к его правой руке таким образом, чтобы большие пальцы оставались снаружи, они произносят клятву и обет. После этого один из присутствующих читает священное изречение: «Подлинно, те, которые присягают тебе — присягают богу» и заканчивает фатихом. (Первая сура корана). Затем старец в присутствии собравшихся дает ученику следующее наставление: «О, сын. Прежде всего, не взирай на запретное. Не лги, не ешь запретного, не одевай запретного, не пей запретного, не изменяй хлебосольству; не относись оскорбительно к старцам, давшим тебе права заработка, считайся со старшими, не ходи перед старшими. Будь терпелив, будь вынослив (воздержанным). Не простирай руки («за недостигаемым) к месту, куда ты ничего не клал; не обманывай доверия; довольствуйся малым». Затем говоря еще целый ряд подобных наставлений, берет кандидата за ухо и дает ему подзатыльник, чтобы он усвоил эти слова, и говорит: «Эй, сын! Не будь беспечным, будь бдительным. День имеет вечер, может настать черный день». Заканчивая этим речь, затем произносит фатиху.

«Кроме того, шедда, которым мастер опоясал ученика, существует еще и другой шедд, вида передника из шелка, полотна или шерсти, который мастер завязывает под правую подмышку ученика в форме меча, амулета или лука. Среди народа каждая из этих форм имеет свое значение. Это делается для того, чтобы всякий видящий ученика знал, что он стал любящим старца (старцелюбцем). После того как ученик опоясывается этими поясами, все присутствующие говорят в один голос: «Иди, господь тебе в помощь, да будет счастливой твоя шкура, а дела твои будут тебе дозволенными» и произносят благословляющую молитву. Тот-

час же тот послушный ученик, во имя бога, почтительно поцеловав руки гостей и старцев других орденов, шейха, накиба и молельщиков, остальных кетхуда и старцев, отступает с покорностью к воротам воспитания. Затем произнося прощальную фатиху, ученик отправляется на кухню и приносит старцам приготовленный там пирог. Такова была форма посвящения, которую я получил от своих учителей. Таково же футуввет-наме пророка. Таким образом, посвященный находит благополучие в жизни и прощение грехов (?)»[45].

Вышеприведенный текст не является грамотой какого-либо определенного ордена или цеха, а представляет собою нечто типическое, именно образец, передающий суть всякой грамоты, независимо от того, служила ли она для посвящения в цех или в дервишеский орден. В качестве доказательства достаточно сослаться на то место, где говорится об испытании новичков. Каждый из них должен был представить «подтверждение об обладании глубокими познаниями в области избранного им пути», а этим путем мог быть и религиозный орден и цех определенной профессии. Если при вступлении на первый путь надо было иметь глубокие познания в области дервишеских учений, то при избрании второго следовало быть совершенным мастером.

Каждый «правоверный мусульманин» должен был избрать свой путь жизни, а сделав это, обязательно состоять в какой-либо общине, ибо «человек общины является любящим старцев», иначе говоря, пользуется их защитой и покровительством, а «себялюбец является глупцом», ибо он лишается всех преимуществ коллективной организации; а работа его будет «харамом», т. е. недозволенной и нечистой. В условиях феодальной жизни, где над всеми проявлениями человеческого бытия тяготели религиозные догмы, составлявшие господствующее мировоззрение, эти требования приобретали силу нравственного закона, подчинявшего своим принципам всю частную и общественную жизнь человека. Сама государственная власть, черпавшая идеологические средства воздействия в отношении подчиненных именно из религии, руководствовавшаяся в своей политике и судопроизводстве именно религиозными догмами шариата, превращала эти нравственные законы в государственные, которые опирались уже не на страх ответственности перед богом в будущей жизни, а на силу государственного аппарата.

Иначе говоря, всякий мужчина должен был посвятить себя или служению богу или какому-либо другому общественно-полезному занятию.

Христианские цеховые организации Турции также находились под религиозным влиянием. Для христианских цехов Турции, в

[45] **Эвлия Челеби**, т. I, стр. 495, сл.

частности армянских цехов Эрзрума XVIII века, как утверждает Егиазаров, «слова Спасителя, апостолов, изречения пророков, постановления отцов церкви являлись источником, откуда цеховое право... черпало морально-правовые начала, лежавшие в основе всего Корпоративного устройства»[46].

Несмотря на эту религиозную оболочку, цеховые организации были по преимуществу экономическими организациями, предназначенными прежде всего для охраны профессиональных интересов объединяемых ими членов.

Из некоторых правил и наставлений, содержащихся в уставных грамотах, с очевидностью вытекает, что последние были орудием в руках мастеров и должностных лиц цехов для сохранения покорности и послушания учеников и подмастерьев. В грамоте Эвлия Челеби, наряду с общими правилами, говорится: «считайся со старшими», «не относись оскорбительно к старцам»[47] и т. д.

Представление образцовой работы и покорность мастерам по существу были основными требованиями для вступления в цех.

* * *

Эвлия Челеби в своем труде дает перечень цеховых должностных лиц таких, как накибы (نقيب), пиры (پير), шейхи (شيخ), кетхуды (كتخره), ага (آغا), игитбами (يكيتباشى), чауши (چاوش). Среди этих должностных лиц наиболее влиятельным был шейх. Например, в Эрзруме, где почти все эсиафы имели своих шейхов или шейхустасы, они являлись высшим должностным лицом ремесленных цехов, к которому обычно обращались, как к решающей инстанции в самых крайних случаях, когда сами цехи не могли урегулировать собственными силами того или иного дела. Решение шейха в таких случаях бывало окончательным. Шейхи в городах Турции по существу выполняли функции старшины. Такую же роль старшины в Стамбуле сыграли кетхуды, или кахия. В XVIII—XIX вв. роль старшины перешла исключительно в руки кетхуды, и роль шейха сводилась к выполнению главным образом обрядо-религиозных обязанностей, т. к. цех одновременно являлся и религиозным братством, и экономической организацией.

В качестве религиозной главы цеха шейх пользовался бо́льшими правами, чем старшина — кетхуда. Это особенно ясно можно видеть на примере Эрзрума. Там армянские и турецкие цеха имели отдельных старейшин (устабаши). В большинстве случаев старшина турок одновременно бывал шейхом всего данного ремесла.

[46] **Егиазаров. Городские цехи Закавказья (ЗКОРП), т. XIV, вып. 2, стр. XXXV.**

[47] **Эвлия Челеби, т. I, стр. 513.**

Таким образом, шейх в Турции был высшей судебной инстанцией и духовной главой цеха, в то время как кетхуда—кахия—устабаши был старшиной, обязанностью которого была деятельность в сфере хозяйственных отношений цехов. Цеховые органы в лице цехового старшины в XVII веке играли важную роль в сфере производства и торговли. Можно без преувеличения утверждать, что основным регулятором рыночных отношений выступал кетхуда — цеховой старшина. Он контролировал качество изделий и регулировал как покупку сырья, так и продажу ввозимых в Стамбул готовых изделий. Поэтому в большинстве султанских указов, где речь идет об этих операциях, предписывается производить их при посредстве кетхуда.

Из султанского указа от 1005 г. хиджры (1696 г.) явствует, что продукты из говядины должны были продаваться в определенном для этого месте — около Адрианопольских ворот — и обязательно **при посредничестве кетхуда.** В противном случае указ предписывал отобрать продукты и наказать тех, кто не подчиняется этим правилам[48].

О том, что привозившееся в Стамбул сырье распределялось между цехами посредством кетхуда, мы узнаем из указа о топливе для черепичников и других заинтересованных цехов. Указ предписывает, чтобы древесина, привозимая на базары, **«продавалась при посредстве кетхуда и не продавалась никому другому,** пока не примут ее в нужном количестве черепичники»[49]. В этом указе не говорится, старшина какого цеха имеется в виду. Но исходя из того, что преимущественное право покупки данного топлива имели черепичники, можно предположить, что речь идет именно о старшине последних.

При распределении прибывших в Стамбул товаров учитывались интересы не только самих торговцев и ремесленников, но и потребности султанского двора, для которого также выделялась необходимая доля нужных товаров. Это выделение также производил старшина того цеха, к сфере деятельности которого относился данный вид товара. Об этом свидетельствует указ от 1018 г. (1609 г.), адресованный эфенди Стамбула, где говорится: «Из мускуса, амбры, привозимых купцами в Стамбул, старшина продавцов мускуса (mıskıcı başi) всегда закупал для меня необходимое количество по их стоимости. Несмотря на то, что у него на это имелся мой высочайший указ, в настоящее время, по имеющимся сведениям, купцы расходуют и распространяют (эти благовония) в противоречии с моим высочайшим указом. Поэтому приказываю: по получении сего, позаботься сам лично и заготовь необходимое. Сделай предупреждение и вторичное напоминание

[48] См. A. Refik, Onbirinci asırda İstanbul hayatı, s. 22, hüküm 45.

[49] См. там же, ук. 13, стр. 7.

о том, чтобы старшина продавцов мускуса присутствовал и не позволял бы распределения привозимого в Стамбул мускуса»[50].

Такого же характера указ от 1001 г. (1592), предписывавший Кади Изника обязать кетхуда ремесленников, изготовлявших изразцы, не позволять их продажу до тех пор, пока ими не будут снабжены в необходимом количестве казенные постройки Стамбула[51].

В султанских указах, где определяются функции кетхуда, упоминается, что каждый из кетхуда имеет своего помощника — игитбаши. О нем же упоминает не раз Эвлия Челеби, но так же, как и в отношении других должностных лиц, не рассказывает об их обязанностях. Термин «игитбаши» встречается в ряде документов, из которых явствует, что если он в XVII в. официально и не считался помощником кетхуды, то, во всяком случае, по своим функциям заслуживал этого названия. В Эрзруме и в городах Закавказья игитбаши выполнял все судебные и административные постановления цеха, а также непосредственные распоряжения старшины. Он, таким образом, являлся как бы исполнительным лицом. А в Стамбуле, по всей вероятности, игитбаши обладали большими правами, чем в указанных выше городах. Так, например, в указе от 1001 г. (1592) на игитбаши возлагается обязанность возглавить назначенных на постройку султанского замка[52]. В другом указе, от 1008 г. (1599) предписывается кади Стамбула принять меры к тому, чтобы привозимые в Стамбул льняные и хлопчатобумажные ткани распределялись между торговцами посредством кетхуда и игитбаши[53]. Что касается накибов то, по всей вероятности, они являлись заместителями шейхов, подобно тому, как игитбаши по существу были заместителями кетхуда.

Из футуввет-наме Эвлия Челеби ясно, что в Стамбуле роль накиба сводилась к руководству церемониями. Можно предполагать, что накиб, являвшийся помощником шейха, выполнял, подобно последнему, религиозно-обрядовые функции, имея большой вес в цеховой жизни именно в этой области.

В торгово-ремесленных цехах Стамбула последнюю ступень на иерархической лестнице должностных лиц занимали так называемые чауши, выполнявшие должность рассыльных.

Кроме перечисленных должностей, у Эвлия Челеби упоминаются также пиры и ага. Последние являлись почетными членами цехов, старшинами в определенной части внутри цеха. В отношении своего ряда они выполняли те же самые функции (т. е. разрешали споры среди ремесленников, получали от старшины при-

[50] A. Refik, On birinci asirda Istanbul hayati, ук. 71, стр. 37.

[51] Там же, ук. 9, стр. 5.

[52] Там же, ук. 10, стр. 5—6.

[53] См. там же, ук. 77, стр. 40.

ходящие на долю их ряда товары и распределяли их среди мастеров), что и старшины в отношении всего цеха. Таким образом, ага являлись как бы уполномоченными старшины для определенного торгово-ремесленного ряда.

Что же касается пиров, то они хотя и имели большой вес в цеховой жизни, но лишь условно могут быть зачислены в число должностных лиц цехов. По своему прямому значению персидское слово «пир» (پیر), означающее «старец», соответствует арабскому слову «ихтийар» (اختیار), которое в своей турецкой модификации имеет то же значение старца, старика, что и пир. Иначе говоря, пиры, или ихтиары, были старейшинами цеха, составлявшимися из наиболее старых и почетных мастеров. Из футуввет-наме Эвлия Челеби ясно вырисовывается та роль, которую они играли в цеховых собраниях. При приеме нового члена решающее слово принадлежало им. Эвлия Челеби говорит, что они свое решение высказывали в один голос[54]. Из этого замечания вытекает, что решение совета старейшин должно было быть единогласным, как это было в европейских цехах. Так как на цеховых собраниях решались не только вопросы о приеме новых членов, но и целый ряд других, то естественно допустить, что и в их обсуждениях решающее слово оставалось за старейшинами.

Должностные лица цехов или выбирались, или назначались властями. Но избранные также должны были быть утверждены властями — факт, который лишний раз утверждает зависимость цеха от султанского двора. Судя по указам XVII в., выборы кетхуды и игитбаши цехов, как общее правило, производились самими цехами, но должны были утверждаться со стороны властей. Так, например, указом 1074 г. (1664) утверждается в своей должности старшина лудильщиков, избранный и представленный на утверждение цехом.

Другим указом того же года, некий Омар утверждается в должности игитбаши цеха свечников, который был избран самим цехом[55].

Назначение старшины со стороны властей практиковалось чаще всего в тех отраслях ремесленного производства, которые представлялись в данный момент особенно важными с государственной точки зрения. В указе 981 г. (1573) предписывается Кадию Стамбула назначить над ремесленниками, изготовляющими золоченые листья и нарушающими установленные размеры листьев, Кетхуду и игитбаши из числа дворцовых живописцев[56]. Во втором указе от 999 г. (1591) снова дается такое же предписание,

---

[54] См. Nurī, стр. 554.

[55] См. там же, стр. 574.

[56] احمد رفیق، اونجی اصیرنره استانبول حیاتی ук. 16, стр. 155—15§.

причем на этот раз контроль усиливается тем, что, кроме кетхуды, назначается также специальный контролер, в качестве которого был избран глава дворцовых живописцев[57].

С точки зрения внутренней организации цехов большое значение имеет вопрос национального состава должностных лиц в тех цехах, где ремесленники состояли из мусульман и христиан. По мнению Османа Нури, в таких случаях старшина выбирался из мусульман. Со времени же, когда немусульмане выделились в самостоятельные цеха, то они сперва приобрели право выбора собственного игитбаши, а затем и старшины[58]. Но документ от 1067 г. (1657) опровергает мнение О. Нури.

Султанский указ гласит:

«Приказ кади Стамбула.

Находящиеся около Безаристана, в Стамбуле, шапочники-мусульмане заявили моему счастливому Двору (следующее): Так как издревле в шапочном ремесле мусульман было мало, а неверных больше и они были многочисленнее, то старшина (кетхуда) ремесла был обычно из числа неверных. Но в виду того, что в настоящее время (количество мусульман в нашем ремесле увеличилось и стало больше, и в виду того, что нахождение в подчинении старшины происходящего из среды неверных нетерпимо (с точки зрения) священного ислама, то была издана священная фетва шейх-уль-ислама и высочайший ферман о том, чтобы старшиной нашего ремесла был бы назначен кто-либо из занятых в нем мусульман, а должность старшины из неверных была бы отменена. На основании этого старшиной был назначен из их (мусульман) среды некий по имени Юсуф, а должность старшины из неверных была отменена, о чем со стороны шери был выдан хюджет-и-шери (священное свидетельство). Несмотря на это, возникли... распри и споры, и неверные, не удовлетворившись и заявив, что в противовес тем хюджет-и-шери и священной фетве у них имеется высочайший указ и на основании его хюджет-и-шери назначили также из неверных одного старшину. Известив о том, что существование двух старшин в одном ремесле противоречит древним обычаям, они (мусульмане) просили моего высочайшего указа относительно того, чтобы старшина неверных был бы снят и в согласии со священной фетвой и с хюджет-и-шери был бы один старшина и именно из мусульман»[59].

---

[57] Там же, ук. 59, стр. 190—191.

[58] **О. Нури**, ук. соч., стр. 570.

[59] **A. Refik**, Hicri on birinci asırda Istanbul hayatı, ук. 102, стр. 55.

* * *

Как было отмечено, все мужское население Стамбула должно было состоять в той или иной организации, потому что каждая из них в области своей деятельности давала свои исключительные права и привилегии. Быть членом организации означало, по существу, приобретение гражданских прав. По этой же причине наиболее страшным наказанием для всякого ремесленника было его исключение из состава цеха, означавшее одновременно и изгнание из данного города, т. к. будучи выгнанным из одного цеха, он терял возможность, даже при изменении ремесла, вступать в другой.

Каждый цех, по существу, был монополистом в области своей деятельности, и эта монополия поддерживалась со стороны государственной власти и, таким образом, приобретала значение привилегии.

Система цеховых монополий нашла свое яркое отражение в законодательстве и в отдельных постановлениях XVII в., касающихся ремесленного производства и связанной с ним торговли. В основном цеховая монополия имела двоякий характер. С одной стороны, она выражалась в исключительном праве данного цеха производить и сбывать определенный вид изделий, а с другой — в преимущественном праве пользоваться необходимым для данного производства сырьем. Примером первого рода может служить указ 1018 г. (1609), изданный по жалобе цеха уксусников и адресованный кади Стамбула. Указ этот гласит: «Моему счастливому двору прислали заявление о том, что цех уксусников Стамбула обратился в меджлис-и-шерийе (с жалобой на то, что) издавна производство уксуса было исключительной специальностью вышеупомянутого цеха и никто другой не мог заниматься уксусничеством. Вышеупомянутый (цех) торгуя, выполнял существующие военные и другие повинности (orduyu hümayun ve sair tekâlifi). Несмотря на это, некоторые лица из цехов карамельщиков, бакалейщиков, изготовляющих халву..., в противоречие с существующими правилами, также производят и продают уксус. Они уклонялись от выполнения установленного моего военного и других повинностей под тем предлогом, что мы-де не уксусники, не оказывают помощи и наносят ущерб (группе) уксусников. Ввиду того, что они (уксусники) заявили просьбу о выдаче им моего высочайшего указа (hükm — i şerif) относительно того, чтобы военные и другие повинности взимались и с тех, кто производит уксус, таким образом (т. е. без права на то) или же, чтобы производство и торговлю уксусом, являющимися, по существующим исстари правилам, исключительной специальностью уксусников, закрепить за уксусниками и запретить другим производителям, то приказываю: по получении сего, ты должен незамедлительно позаботиться об этом. Рассмотри, если (действительно) в упомянутом городе производ-

ство и торговля уксусом исстари является исключительной специальностью цеха уксусников, а карамельщики, бакалейщики и изготовляющие халву в противоречии с существующими правилами производят и торгуют уксусом, то прикажи всем указанным цехам принять участие в выполнении военных и других повинностей и не позволяй уклоняться от них под разными предлогами. Так что, если они, упорствуя, не окажут помощи и содействия в выполнении военных и других повинностей, то отныне ты не позволяй никому из других (подразумевается — цехов) производить уксус вопреки обычаю, запрети и изгони. Запиши и представь имена и приметы противодействующих моему приказу, чтобы (в отношении их) действовать согласно моему приказу, который будет издан после 1018 г. (1609)»[60].

Таким бразом, этот указ показывает, что как производство, так и продажа отдельных товаров, составляли исключительное право соответствующих цехов: цех уксусников, разумеется, не является исключением. В другом указе от 1115 г. (1703) говорится: «Находящиеся в городе Стамбуле пекари чистого и простого хлеба явились к моему высокому двору (и заявили), что находящиеся в вышеназванном городе пироженщики, которые исстари делали пироги, холка, а иногда сухари, и вовсе не пекли хлеба (теперь) в противоречии с прошлым, выпекая двойные и четверные хлеба, стали причиной закрытия хлебопекарни и недостатка прибылей в них. Согласно имеющемуся у них хюджети-и-шерийе пироженщикам запрещалось печение хлеба и разрешалось, в согласии с прошлым, выпекать только пироги и иногда сухари. На основании этого был издан мой высочайший указ..., который устанавливал запрет и законный порядок. (Однако) они все еще не удовлетворяясь (этим), просят моего султанского указа о запрещении их (пироженщиков) насилий, в соответствии с изложенным хюджет-и-шерийе и моим (прежним высочайшим указом). Предписывается, чтобы ты, вышеупомянутый везирь и вышеупомянутый мевлана, установили законный порядок...»[61].

Экономическая борьба между цехами, как уже указывалось, не ограничивалась сферой производства и сбыта готовых изделий. Она происходила также и в области приобретения сырья, причем и здесь господствовала (в некоторых отраслях производства, во всяком случае), та же самая система монополий. Ярким примером для характеристики последней может служить султанский указ 1013 г. хиджры (1605 г.), адресованный кади Стамбула. Он гласит: «Представитель цеха свечников-неверных, явившись, заявил, что с древних времен свечье и коровье сало, добывавшееся в бойнях Едикюле, сдавалось им, а они, делая свечи, про-

[60] A. Refik, Hic. on birinci asırda İstanbul hayatı, ук. 86, стр. 45

[61] A. Refik, Hic. on ikinci asırda İstanbul hayatı, ук. 56, стр. 37

давали их по установленной таксе янычарам моей Высокой Порты и другим (лицам). Так как никто извне не покупал сала и не делал свеч, то в Стамбуле никогда не бывало недостатка в свечах. Затем известил о возникшей большой нужде в свечах, сдаваемых различными путями бойням и городу. Они просят утверждения в настоящее время выданного им в царствование моего покойного отца султана Мехмед Хакана, высочайшего указа о том, чтобы сало для свеч, добываемое, как в бойнях, так и вне их, в соответствии с вышеизложенным способом, сдавалось бы свечникам-христианам и не давалось бы никому извне, а сало, находимое не у свечников, отбиралось бы от них и они были бы подвергнуты наказанию. Ввиду этого приказываю: по получении сего рассмотри, если при моем вышеупомянутом покойном отце действительно был выдан относительно изложенного способа высочайший указ, то согласно этому и действуй. 1013»[62].

Надо отметить, что как бы зорко не охранялись цеховые привилегии и монополии, как бы жестоко не преследовались их нарушители, все же они постоянно нарушались. Особенно сильных противников против себя система монополий нашла в лице янычар и войск других видов армии, которые, не удовлетворившись государственным содержанием, с конца XVI века массовым образом начали заниматься ремеслами и торговлей. В свою очередь, ремесленники и торговцы, чтобы не быть подведомственными городским властям, начали записываться в янычары. По словам Кочибея Гемюрджинского, «ко всякой корпорации примешались неизвестного закона и религии горожане, турки, цыгане, персиане, лазы, бродяги, погонщики мулов, верблюжьи вожаки, дятили, разбойники, мошенники и другие разного рода люди»[63].

Выше было отмечено, что государственные органы всячески поддерживали цеховые организации в их привилегиях и монополиях. Во всех тех случаях, когда один цех вторгался в сферу производства или торговли другого цеха, и когда они не могли силой и авторитетом цеховых учреждений урегулировать широко и мирно происходящую на этой почве борьбу, то они всегда обращались к государственным органам для восстановления нарушенных прав. Было бы, конечно, наивным думать, что государственная власть в случае конфликтов между цехами выступала в роли беспристрастного судьи, восстанавливавшего попранные права и устанавливавшего истину и справедливость. На самом деле, если цеха имели возможность оказания давления на государственную власть, а последняя была вынуждена подчиниться им в своих мероприятиях, то

---

[62] **A. Refik,** Hic. on birinci asırda Istanbul hayatı, ук. 58, стр. 28—29.

[63] **В. Д. Смирнов.** Кочибей Гемюрджинский и другие. Османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции, СПб., 1878, стр. 135—136.

здесь основное значение имели вовсе не древние традиции, на которые так часто в султанских указах ссылались и которые восстанавливались в качестве законных норм справедливости и истины, а более реальные и экономически обоснованные причины, среди которых наиболее важное значение имела зависимость государственной власти от ремесленного производства, изделия которых она получала в форме той или иной повинности.

Все торгово-ремесленные цеха Стамбула обязаны были выполнять по отношению к государству целый ряд повинностей и выплачивать разнообразные подати как в натуральной, так и в денежной форме. Без преувеличения можно утверждать, что каждый вид товара, а следовательно, и каждый вид ремесла и торговли подвергались обложению особым налогом[64].

Одной из наиболее тяжелых форм повинностей было выделение ремесленников на нужды действующей армии. Турецкие правящие круги этим стремились, с одной стороны, обеспечить снабжение армии необходимыми товарами, а с другой — не предоставлять войскам повода заниматься торговлей или ремеслом.

В случае необходимости ремесленники цеха выставляли огромное количество лиц для обсуживания лагеря. По преувеличенным данным Эвлия Челеби, кожевенники Едикюле выставляли 5000 человек[65]. Помимо этого, торгово-ремесленные цеха выполняли еще целый ряд других повинностей. О некоторых из них можно составить представление по указу 1018 г. (1619), в котором изложена жалоба ремесленников Скутари о незаконном взимании с них ряда повинностей[66].

Не менее обременительной повинностью для ремесленников были те подарки, которые они обязаны были делать султану во время различных торжеств, о которых так часто свидетельствуют источники.

Таким образом, защита со стороны государства, монопольные права и привилегии слишком дорого обходились цеховым организациям. Ведь цех не был неким отвлеченным понятием, а являлся организацией живых производителей, для которых каждая форма подати, каждая повинность означала степень эксплуатации со стороны класса феодалов Турции. Всякая монополия или привилегия какого-либо цеха, поддерживаемая и охраняемая государственными органами, имела своей обратной стороной обязанность или повинность данного цеха по отношению к государственной власти.

---

[64] О налогах, взимаемых от торговли и городского населения. См. **Эвлия Челеби**, т. I, стр. 391. **O. L. Barkan**, XV ve XVI inci asırlarda osmanlı Imperatorlugunda zirai ekonominin hukuki ve mali esasları, kanunlar.

[65] См. **Эвлия Челеби**, там же.

[66] **A. Refik**, Hicri on birinci asırda Istanbul hayatı, ук. 68, стр. 35—36.

* * *

Вмешательство государственных органов в сферу производства и торговли преследовало не только фискальные цели, но и стремление подчинить все производство военной бюрократии. Была разработана целая система регламентаций, включавших в себе принудительную таксацию цен; контроль над качеством производимых изделий ремесла, строгий надзор за правильностью мер и весов; регулирование торговой прибыли; запрещение заниматься в определенных частях города ремеслами, распространяющими грязь, зловоние и т. д. О системе государственной регламентации торгово-ремесленной жизни в Стамбуле дает яркое представление один законодательный документ, по одним данным, относящийся к эпохе Сулеймана Кануни, а по другим — кодифицированный при Ахмеде I. Текст документа переведен на немецкий язык И. Хаммером[67].

Это государственное постановление до мелочей регламентировало условия торговли и производства целого ряда отраслей ремесленного производства, хотя и не охватывало все стороны производства и торговли. В этом постановлении отсутствует такая важная сторона государственной регламентации, как, например, установление определенных форм и размеров ремесленных изделий, именно той стороны, которая была особенно стеснительной для развития ремесленного производства.

Другой формой регламентации, также не нашедшей своего отражения в указанном постановлении, было принудительное распространение товаров среди торговцев и ремесленников. Для каждого района Стамбула была установлена определенная часть из поступивших в город товаров. Независимо от того, нуждались или нет в нем в этой части города, торговцы и ремесленники обязаны были его брать. Об этом свидетельствует следующий султанский указ от 1018 г. (1609 г.), который гласит: Находящиеся в городе Стамбуле бакалейщики заявили моему счастливому двору следующее: привозимое в упомянутый город продовольствие издревле делилось на пять частей, из которых посредством базарбаши 3 части распределялись среди бакалейщиков Стамбула, а 2 части— среди бакалейщиков Галаты, Скутари и Эюба. Когда бывало необходимо среди бакалеев распределить предметы из казенных продуктов, не имевшие сбыта, то бакалеи Стамбула, по старому обычаю, без колебания, брали приходящую на их долю 3 части и не оказывали никакого сопротивления. Но большинство бакалеев Галаты, Скутари и Эюба не брали относящиеся к ним две части. Когда стало известно об их отказе и противодействии, то был выдан мой высочайший указ о том, чтобы они также, согласно

[67] J. Hammer, Des osmanischen Reiches Staatsverfassung und Staatsverwaltung, Wienne 1812, стр. 154—155.

обычаю, распределяли среди своих относящиеся к ним части и чтобы им не было позволено уклоняться, отказываться. Приказываю, по получении сего, согласно моему священному ферману, позаботиться о том, чтобы все казенные продукты были разложены на всех бакалеев для распределения среди них, чтобы незамедлительно, согласно старому обычаю (правилу), из пяти частей, после того, как 3 части возьмут стамбульские бакалеи, 2 части также были распределены среди бакалеев Галаты, Скутари и Эюба. Не позволяй никому брать меньше и отказываться»[68].

Этот указ показывает, что государство в распределении невыгодных для торговцев товаров, как и в большей части своих мероприятий, применяло открытое принуждение, для осуществления, которого имелся действенный аппарат — базарные эмины, которые нередко строго наказывали нарушителей государственного порядка. Существовали разные формы наказания, преследовавшие, в конечном итоге, одну-единственную цель — внеэкономическим принуждением заставить ремесленников Стамбула подчиниться системе цеховых монополий и государственной регламентации, потому что все расширяющийся рынок, рост производительных сил вынуждали ремесленников, торговцев выходить за ее пределы, постепенно ее нарушать.

Государственная регламентация имела пагубные последствия для развития ремесленного производства. В своей экономической политике османское государство руководствовалось прежде всего потребностями и запросами феодального класса и в целях удовлетворения его нужд не думало о перспективе и не только не устраняло препятствий, стоящих на пути развития производства, как это случилось в это время в Европе, но самым варварским способом задерживало развитие производительных сил.

Государственная регламентация, с одной стороны, и система капитуляции, в результате которой турецкий рынок стал доступен торговому капиталу европейских государств — с другой, привели турецкое ремесленное производство к резкому упадку.

---

[68] **A. Refik,** Hicri on birinci asırda İstanbul hayatı, ук. 74, стр. 38—39.

Ա. Ա. ՀԱՋՅԱՆ, Մ. Կ. ՋՈՒԼԱՅԱՆ

ԿՈՍՏԱՆԴՆՈՒՊՈԼՍԻ ԱՐՀԵՍՏԱԳՈՐԾԱԿԱՆ ԱՐՏԱԴՐՈՒԹՅՈՒՆԸ XVII ԴԱՐԻ ԱՌԱՋԻՆ ԿԵՍԻՆ

Ամփոփում

Հոդվածում առաջին անգամ արևելագիտական գրականության մեջ հատուկ ուսումնասիրության են ենթարկված Կ. Պոլսի արհեստագործական արտադրությունը XVII դ. առաջին կեսում և այնտեղ գոյություն ունեցող համքարական կազմակերպությունները։ Աշխատության հիմքում ընկած են եվրոպացի միսիոներների, առևտրականների, դիվանագիտական գործակալների նոթագրությունները, դիտողությունները Օսմանյան կայսրության ներքին կյանքի մասին ընդհանրապես, ու Կ. Պոլսի մասին մասնավորապես։ Հատուկ ուշադրություն է դարձված XVII դ. թուրք ճանապարհորդ և հասարակական գործիչ Էվլիա Չելեբու «Սեյահեթնամե» («Ճանապարհորդության գիրք») աշխատության տրվյալներին։ Աշխատությունը գիտական արժեք է ստանում առանձնապես Ահմեդ Ռեֆեկի կողմից հրատարակված XVII դ. պետական պաշտոնական վավերագրերի (սուլթանական հրամանագրերի) լայն ընդգրկումով։

Աշխատության մեջ շոշափված են հետևյալ առանցքային հարցերը՝ արհեստավորական արտադրության ընդհանուր վիճակը, Կ. Պոլսի արհեստագործների ազգային կազմը, արհեստագործական արտադրության հասարակական-տնտեսական կառուցվածքը, արհեստավորների տեխնիկական զարգացման մակարդակը և արհեստագործական արտադրության մեջ աշխատանքի բաժանման խնդիրը և այլն։ Այնուհետև մանրամասն տրված են արհեստների ու առևտրի համքարային (համաարհեստավորական) կազմակերպությունների պաշտոնական ղեկավար անձանց բնութագրման, համարհեստագործական կազմակերպությունների արտոնությունների ու մենաշնորհների, պետական ռեգլամենտի հետ կապված բազմաթիվ խնդիրներ ու հարակից այլ հարցեր։